Родилась в 1976 году в городе Херсоне. Окончила МГУ им. Ломоносова и Оксфордский университет. Стихи пишу с 16 лет. Стихи и проза публиковались в журналах «Нева», «Юность», «Новый журнал», в «Литературной газете» и во многих других изданиях. Стихи на английском вошли в четыре британские поэтические антологии.

Лауреат ряда международных литературных конкурсов («Согласование времён», «Грушинский Фестиваль» и др.). Основатель и куратор портала «Русская литература Австралии» при старейшей русскоязычной газеты Австралии «Единение».

Живу в городе Сидней, Австралия.

ПОЭТ

Я ослеп. Измучился. Продрог.
Я кричу из этой затхлой бездны.
Господи, я тоже чей-то бог,
заплутавший, плачущий, небесный.

Вот бумага. Стол. Перо и рок.
Я (больной, седой и неизвестный),
Но умру — и дайте только срок,
дайте строк — и я ещё воскресну.

ОСКОЛКИ

Разбиваются — опять — на куски
все мечты, что я держала в руке.
Барабанит горечь грубо в виски
и болтает — на чужом языке.

Поднимаю я осколки с земли —
может, склею — зажимаю в кулак.
Но мечты уже — в дорожной пыли:
и не там я — и не с тем — и не так...

Только вишенкой на рваных краях —
на кусочках — тёмно-красным блестит
капля крови — от мечты острия,
от осколка, что сжимаю в горсти.

* * *

Мне не уйти из психбольницы.
Ты в ней — и вот она в тебе —
клокочет, рвётся на страницы
и шарит лапой по судьбе,
куда б тебя ни заносило —
в край небоскрёбов или скал —
ты возле солнечной Мессины
увидишь бешеный оскал
чудовищ — нет, не тех, из книжек —
своих, придуманных тоской,
толпой, тебя несущей ближе к
безумью дней, к огням Тверской.

И будто всё отлично с виду:
умыт и трезв, идёшь в театр —
но чувствуешь: с тобой в корриду
весь день играет психиатр.
Или в музеях строгой Вены
бредёшь меж статуй героинь —
а врач решит — и резко в вены
введёт любовь, как героин.

Спокойней — в домике с охраной,
решёткой, каменной стеной,
где мне зализывают раны —
чтоб не осталось ни одной,
где нет ни долга, ни заботы,
ни вин, ни бед... Халат надеть
и от субботы до субботы
на подоконнике сидеть,
и издали смотреть на лица
толпы, на улицу в огне.
А рядом Гоголь отразится
в забитом намертво окне.

ДУБАЙ

Песок и деньги. Деньги и песок.
Картина умирающего мира.
Глядят портреты строгого кумира
На Западом залапанный Восток.

Бетон и стройки. Стройки и бетон.
Армани, Гуччи, скидки, распродажи.
Возводятся бездушные пейзажи
Под тон песка — под монотонный тон.

И все мы здесь на миг, не на года —
Конквистадоры новых территорий.
Мы все уйдём. Здесь вечно — только море.
...И смоет всё когда-нибудь вода.

ВТОРОЙ КОВЧЕГ

По паре — каждой твари. А мою,
мою-то пару — да к другому Ною
погнали на ковчег. И я здесь ною,
визжу, да вою, да крылами бью...
Ведь как же так?! Смотрите — всех по паре,
милуются вокруг другие твари,
а я гляжу — нелепо, как в кошмаре —
на пристани, у пирса, на краю
стоит она. Одна. И пароход
штурмует разномастнейший народ —
вокруг толпятся звери, птицы, люди.
...Мы верили, что выживем, что будем
бродить в лугах, не знающих косы,
гулять у моря, что родится сын...
Но вот, меня — сюда, её — туда.
Потоп. Спасайтесь, звери, — кто как может.
Вода. Кругом вода. И сушу гложет
с ума сошедший ливень. Мы — орда,
бегущая, дрожащая и злая.
Я ничего не слышу из-за лая,
мычанья, рёва, ора, стона, воя...
Я вижу обезумевшего Ноя —
он рвёт швартовы: прочь, скорее прочь!
Второй ковчег заглатывает ночь,
и выживем ли, встретимся когда-то?
Я ей кричу — но жуткие раскаты
чудовищного грома глушат звук.
Она не слышит. Я её зову —
не слышит. Я зову — она не слышит!
А воды поднимаются всё выше...
Надежды голос тонок. Слишком тонок.
И волны почерневшие со стоном
накрыли и Олимп, и Геликон...

На палубе, свернувшись, как котёнок,
дрожит дракон. Потерянный дракон.

* * *

На развалинах Трои лежу, недвижим
Ю. Левитанский

На развалинах Трои лежу в ожиданье последней атаки.
Закурю папироску. Опять за душой ни гроша.
Боже правый, как тихо. И только завыли собаки,
да газетный листок на просохшем ветру прошуршал.
Может, «Таймс», может, «Правда». Уже разбирать неохота.
На развалинах Трои лежу. Ожиданье. Пехота.
Где-то там Пенелопа. А может, Кассандра... А может...
Может, кто-нибудь мудрый однажды за нас подытожит,
всё запишет, поймёт — и потреплет меня по плечу.
А пока я плачу. За себя. За атаку на Трою.
За потомков моих — тех, что Трою когда-то отстроят,
и за тех, что опять её с грязью смешают, и тех,
что возьмут на себя этот страшный, чудовищный грех —
и пошлют умирать — нас. И вас... Как курёнка — на вертел.

А пока я лежу... Только воют собаки и ветер.
И молюсь — я не знаю кому — о конце этих бредней.
Чтоб атака однажды, действительно, стала последней.

* * *

Разрыв. Фигурка схватится за бок —
живой лубок.
Час новостей. Адреналин. Игра.
Ты щёлкнешь кнопкой — и конец. Нет ран,
потери, смерти, зла... Застынет крик.
Ты — в капсуле. В скафандре. Ты — внутри.
Замри.

Замри. Ни с места. Стой, нельзя наружу —
за рамки, за обложку, из себя —
к соседям, соплеменникам, со-душам —
задушат.
Ты — мишень. Рога трубят.
Охота. Крестный ход на абордаж,
на брата, на врага, на тот этаж,
где нагло распускаются герани —
цвет мяса в ране.

Где ты уже — игрушка на экране.
Ты раб. Под рьяный рёв других рабов
на солнечной арене Колизея
ты умираешь. Крик — и мы глазеем
на красное на острие зубов.
Агония. И гонка — мчатся снимки
в Facebook, диктует Canon свой канон:
у трупа, у меча, со львом в обнимку.
И лают «лайки»: кадры — как в кино,

где даже смерть кошмарная — прекрасна,
где люди растворяются на красном —
заката, крови. Жажда на губах —
адреналина! — зрелищ, твиттов, хлеба,
убойных кадров: нас на фоне неба —
красивых,
молодых,
в гробах.

* * *

Вслепую, на ощупь,
судьбу подбираем по слуху,
научно трактуем причуды
планид и планет.
Подводим итоги.
Как взрослые — твёрдо и сухо.
По-детски надеясь на чудо.
Которого нет.